

**АЛЕКСЕЙ
КУЗНЕЦОВ**

**ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ
БРИТАНСКОЙ
КОРОНЫ
АНГЛОБАЛИЗАЦИЯ**

ИГРЫ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Игры мировых элит

Алексей Кузнецов

**Тайная власть Британской
короны. Англобализация**

«Книжный мир»

2016

Кузнецов А. В.

Тайная власть Британской короны. Англобализация /
А. В. Кузнецов — «Книжный мир», 2016 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-8041-0886-2

В книге представлен оригинальный взгляд на Великобританию как скрытый центр построения нового мироустройства. После формального распада британской колониальной империи во второй половине XX века Англия не отказалась от идеи цивилизаторского миссионерства, а только медленно и незаметно для всего остального мира поменялась с США функциональными ролями, осуществив тем самым «перезагрузку» стратегии англосаксонской экспансии. Пребывая в геополитической тени США, сегодня Британия пользуется их колоссальной финансовой, военной и технологической мощью для глобального распространения англосаксонских ценностей и формирования однополярного мира в своих собственных национальных интересах. По сути США являются своеобразным английским «цивилизационным клоном», «исполнительным механизмом», «мускульной силой», «системным менеджером» глобализации, в то время как Британия продолжает выступать её истинным мозгом, духом и сердцем. В книге убедительно и доступным языком раскрыта цивилизационная сущность глобализации как инструмента управления глобальным социумом в интересах англосаксонского мир-системного ядра. Книга будет интересна и полезна студентам, аспирантам, преподавателям, ученым, изучающим направления социологии, экономики, геополитики, истории, философии, а также всем, интересующимся насущными проблемами современного мироустройства, истоками глобального лидерства и влиянием англосаксонского фактора на развитие современной цивилизации.

ISBN 978-5-8041-0886-2

© Кузнецов А. В., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Введение	7
Часть I	12
Глава 1. Англосаксонская идентичность	12
Глава 2. Завоевание рынков	23
Глава 3. Всеобщая коммерциализация	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Владимирович Кузнецов
Тайная власть Британской
короны. Англобализация

© А.В. Кузнецов, 2016

© Книжный мир, 2016

Введение

В 2008 г. в журнале «Форин афферс» было опубликовано эссе «Эпоха бесполярности». Его автор, президент Совета по международным отношениям Р. Хаас, утверждал, что, в отличие от биполярного мира, определявшего организацию международных отношений на протяжении большей половины XX в., современный мир бесполярен в том смысле, что наряду с такими ключевыми суверенными игроками, как США, ЕС, Россия, Индия, Бразилия и Китай, в мире доминирует не один десяток других игроков, обладающих различными инструментами глобального влияния и использующих их для продвижения собственных интересов в международных отношениях. К ним, в частности, относятся транснациональные корпорации, глобальные средства массовой информации, международные, благотворительные, неправительственные, религиозные организации, политические партии, террористические группировки, наркокартели. Итак, Р. Хаас делает вывод, что сила и влияние в современном мире не столько сконцентрированы, сколько распределены¹.

В общем и целом данное утверждение не вызывает особых возражений, если только не принимать во внимание тот факт, что все упомянутые глобальные игроки так называемого бесполярного мира взаимодействуют в рамках практически единого идеологического, политического, экономического, юридического и информационного поля. Функционирование этого пространства в значительной степени подчиняется законам и правилам, имеющим своё происхождение из вполне определённого уникального цивилизационного центра – Британии – единственной в мире страны, в названии которой до сих пор сохраняется сравнительная степень Великая.

Именно британцам принадлежит первенство в практической реализации тех революционных идей, которые изначально предопределили мотивацию человека в борьбе за обретение индивидуальных прав и свобод, а также в значительной мере содействовали ликвидации барьеров, стоящих на пути международного сотрудничества, через интеграцию региональных и локальных экономик и культур в глобальную систему торговли и коммуникаций. Посредством переработки знаний о разрозненных культурах и цивилизациях, собранных английской метрополией в её колониях, протекторатах и зависимых территориях, британские экономисты первыми обосновали и экспортировали в остальные страны теории международного разделения труда, тем самым проложив интеллектуальную колею экономической глобализации.

На подготовительных этапах глобализации Великобритании (в отличие от других ее потенциальных лидеров – Португалии, Испании, Голландии, Франции и Германии) удалось объединить в целостную систему, казалось бы, несовместимые понятия: парламент и монархию, колониальную империю и региональное самоуправление, рынок и государство, конкуренцию и монополии, свободу торговли и протекционизм, финансово-промышленных магнатов и мелких лавочников, кустарные промыслы и массовое транснациональное производство, централизованную денежную систему и гибкое финансирование бизнеса, прозрачность информации и обладание скрытыми знаниями, иерархию и эгалитаризм, пацифизм и милитаризм, индивидуализм и коммунитарность, инновационность и традиционализм, роскошь и самоограничение. Объединение всех этих составляющих и привело к созданию монолитной нации, что позволяло Соединённому Королевству на протяжении столетий не только поддерживать относительно мирное и бесконфликтное существование внутри страны, но и, через сотканную паутину невидимых транснациональных связей, выступать неформальным институциональным дирижером современных международных процессов,

¹ Haass R. N. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. Issue 3. P. 44–56.

негласно оказывая существенное влияние на процессы глобальных межсистемных трансформаций и развитие всех остальных мировых экономических центров – от США и Евросоюза до Японии, Китая и России.

Несмотря на то, что в период между двумя мировыми войнами США фактически вытеснили Великобританию на позицию «державы второго ранга», именно на Соединённом Королевстве лежит львиная доля ответственности за подведение человечества под знаменатель глобализации. Для обоснования данного тезиса для начала отметим ряд особенностей, которые позволяют ассоциировать Великобританию с гецивилизационным центром современной мир-системы.

Прежде, всего, это такой неотъемлемый атрибут современного рыночного хозяйства, как *право частной собственности на землю*. Британия первой среди европейских государств, ещё в 1085 г., по приказу Вильгельма Завоевателя провела поземельную перепись, ставшую известной под названием «Книга Страшного суда», которая заложила основу современной практики ведения земельного кадастра. А уже в 1215 г. в Англии была принята Великая хартия вольностей, которая ограничила власть монарха в пользу крупных частных землевладельцев (баронов) и послужила примером для подражания другим европейским странам.

Теперь, что касается *индивидуальных свобод*. Крепостное положение в Англии исчезло к концу XVI в.², тогда как в США система рабовладения просуществовала вплоть до 1865 г. Также стоит отметить значительный вклад в зарождение либеральной идеологии таких британских мыслителей, как А. Смит, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль, идеи которых приобрели чрезвычайную популярность во всём мире.

Промышленная революция. Англия первой осуществила переход от аграрного уклада к индустриальной экономике, невероятно усовершенствовав возможности мировой торговли и коммуникаций благодаря широкомасштабному строительству железных дорог, пароходов и проведению межконтинентального кабельного телеграфа. Используя в производственном процессе революционную идею разделения труда и вооружив мир идеологией «невидимой руки» частного благополучия, Британия тем самым поспособствовала зарождению современной эры массового потребления и материального фетишизма.

Свободное рыночное хозяйство. Именно британским философам и экономистам принадлежит первенство в популяризации принципа государственного невмешательства в экономические процессы («laissez-faire»), что открыло дорогу к отмене государственных субсидий и снятию юридических барьеров для осуществления свободной международной торговли. Следует помнить и о том, что идея снижения тарифных барьеров, положенная американцами в основу ГАТТ/ВТО в 1947 г., была реализована на практике Великобританией ещё в 1860 г., когда страна упразднила импортные пошлины на промышленные товары и безуспешно пыталась добиться принятия режима свободной торговли с другими странами мира.

Теоретическое обоснование современной теории международной торговли также было представлено британцами – Д. Юмом, А. Смитом, Д. Рикардо. Идеи еще одного британского гения Дж. М. Кейнса (в несколько измененной американцами форме) были положены в основу ныне действующей международной валютно-финансовой и торговой систем еще в 1944 году на Бреттон-Вудской конференции³. Уже в 1944 г. Дж. М. Кейнс пришел к заклю-

² При этом с XVII века Англия выступала монополистом в между народной работоторговле, в огромных количествах поставляя рабов на рынки США.

³ На Бреттон-Вудской конференции Дж. М. Кейнс предложил создать мировой центральный банк (Международный клиринговый союз) с полномочиями эмиссии мировой валюты (банкора), независимой от национальной юрисдикции отдельных стран. Однако американцам удалось изменить план Кейнса в свою пользу и переложить эти функции на доллар и подконтрольный США Международный валютный фонд. Однако доллар, как национальная валюта США, не может

чению, что в регулировании международной экономикой количеству поставленных целей должно соответствовать такое же количество политических инструментов. Полная занятость должна достигаться инструментами фискальной политики (компетенции национальных правительств), корректировка платежных балансов – за счет регулируемых валютных курсов (МВФ), поощрение международной торговли – путем снижения тарифных барьеров (Международная торговая организация), экономическое развитие – через официальное международное кредитование (Всемирный банк)⁴.

Централизация финансовой системы. Британия первой из великих метрополий централизовала свою денежно-финансовую систему, учредив в 1694 году Банк Англии, а затем подчинив правительству системы сбора налогов и государственного долга, что обеспечило Лондону статус первого глобального финансового центра, а фунту стерлингов – первой мировой резервной валюты. Для закрепления своих ведущих позиций в системе мировых финансов Британия отвела себе ключевую роль в создании и работе финансового комитета Лиги Наций (обеспечившим Англии главенствующее место в золотодевизном стандарте), первой международной финансовой организации – Банка международных расчетов (по сей день координирующего действия центральных банков крупнейших экономик планеты), а также в учреждении МВФ и Всемирного банка. Запущенные англичанами механизмы эмиссионной монополии, фондированного долга, международной резервной валюты, рынка евродолларов, офшорных финансовых центров по сей день позволяют англосаксонским нациям-гегемонам контролировать систему глобальных финансов, безнаказанно оставаясь при этом крупнейшими странами-должниками.

Транснационализация бизнеса. Англия создала первый прототип современных ТНК – Британскую Ост-Индскую компанию (1600 г.), которая сыграла ключевую роль в открытии и интеграции в мировую экономику богатейших рынков Индии и Китая. На ранних этапах глобализации Британии удалось опутать мир сетями своих торговых, финансовых, юридических и аудиторских компаний, многие из которых зарегистрированы в англосаксонских офшорных юрисдикциях, что в значительной мере способствует тому, чтобы сегодня большинство транснациональных сделок в мире осуществлялось в соответствии с принципами английского (англо-американского) общего права.

Империализм. Развитие британского капитализма сопровождалось созданием крупнейшей финансовой империи в истории человечества. Преимущества британского империалистического капитала были абсолютными: в 1904 г. Англия имела 50 колониальных банков с 2279 отделениями (в 1910 г. – 72 с 5449 отделениями). Для сравнения: Франция имела 20 банков со 136 отделениями; Голландия – 16 с 68, а Германия – только 13 с 70 отделениями⁵. США на этом этапе вовсе не имели транснациональных банков. Проницательно предвосхищая положение суверенных государств на современной геофинансовой арене, В.И. Ленин указывал, что основу империализма составляет финансовая олигархия и финансовый капитал, который выступает решающей «силой во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет

бесконечно выступать в качестве неофициальной мировой валюты, не провоцируя при этом дисбалансы международной торговли и рост пирамиды долларовых долгов в планетарных масштабах. Такое положение неизменно приведет к окончательному краху не только американской, но и мировой экономики. Осознавая эти угрозы, уже с 1969 года МВФ начинает выпуск прототипа кейнсианского банкора – специальные права заимствования (СПЗ), которые до сих пор, однако, имели весьма ограниченную сферу обращения. За превращение СПЗ в полноценную наднациональную мировую валюту сегодня выступает всё большее количество государств (включая Китай и Россию), что фактически означает возврат к плану Дж. М. Кейнса.

⁴ Темин П., Вайнс Д. Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. Пер. с англ. О.Левченко; науч. ред. перевода Т.Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 173.

⁵ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений. Т. 27. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 364.

даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью»⁶. Сформулированные В.И. Лениным признаки определения империализма обретают новое качество в условиях финансовой глобализации. Сегодня Великобритания не только контролирует одну треть глобальных финансовых потоков, но также (наряду с США) значительную долю корпоративных активов и земельных ресурсов планеты.

Политическая система. Несомненна также и популярность британской модели представительного правления. В период с 1974 г. по 2007 г. число демократических государств в мире увеличилось с 41 до 123, что, в свою очередь, привело к сокращению числа монархий до 35. При этом в самом Соединенном Королевстве не существует писаной конституции, а система английского общего права наделяет британского монарха таким объемом прав и полномочий, которым не обладает ни один другой из действующих глав государств мира.

Информационное общество. Не последняя роль принадлежит Британии также и в информационной революции. В 60-е гг. XIX века британцы создали первую глобальную информационную империю, связав континенты трансатлантическим кабельным телеграфом. А в 80-е гг. XX века британцу Тиму Бернесу Ли пришла идея превратить Интернет из узкопрофильного научного продукта по обработке, хранению и управлению электронными данными в товар массового потребления – Всемирную паутину⁷. Коммерциализация этого проекта и вовсе привела к созданию нового виртуального жизненного пространства с обеспечением всех жителей планеты индивидуальной «жилплощадью» в интернетовских соцсетях. Стремительное и всепроникающее внедрение англосаксонских ценностей в традиции и быт различных рас и народов было осуществлено благодаря британскому первенству в адаптации передовых информационных технологий к их массовому применению, популяризации английского как языка международного общения, а также монополизации англо-американскими компаниями глобальных средств массовой информации. При помощи этого виртуального ресурса сегодня англосаксы осуществляют в планетарных масштабах перестройку человеческого сознания под принятие и непротивление идеологий естественного отбора и рыночного фундаментализма.

И это далеко не полный перечень всех заслуг англичан.

Необходимо признать, что после Второй мировой войны доминирующее положение в процессах глобализации занимают США, особенно вслед за тем, как под их патронатом был создан ряд ключевых универсальных международных организаций, в которых они получили ведущие позиции. Однако в стратегическом плане США всё же принадлежит второстепенное место, поскольку под стратегией понимается общий план действий, охватывающий более продолжительный период времени. Это способ длительного достижения сложной цели.

Конечно же, если рассматривать глобализацию как процесс слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными компаниями (определение Т. Левитта), тогда, преимущества США – бесспорны⁸. Но, если посмотреть на глобализацию не в узком корпоративном смысле, а в более широком контексте – как на распространение определённой системы ценностей (образа жизни), тогда очевидно, что инициатором этого процесса выступает Великобритания.

⁶ Там же. С. 379.

⁷ Сама технология Интернета, как объединения компьютерных сетей для хранения, передачи и управления электронными данными, была разработана еще в конце 1960-х годов и в США, и в СССР. Однако именно Тим Бернерс Ли в 1980-х гг. разработал прототип прикладного уровня передачи данных (HTTP), а также язык разметки гипертекста (HTML), при помощи которых и создается большинство веб-страниц.

⁸ При этом, однако, следует учитывать тот факт, что в британской столице находится больше корпоративных штаб-квартир, чем в любом другом городе мира, которые как раз и определяют стратегии глобальной экспансии ТНК.

Для подчеркивания особой роли Британской империи в распространении англосаксонской цивилизации в глобальных масштабах британский историк Ниал Фергюсон ввел неологизм «англобализация». Однако цивилизаторская миссия англосаксов не является историческим реликтом, она продолжает воплощаться в жизнь, приобретая новое институциональное содержание. Изучению факторов, указывающих на центральное место Великобритании в развитии современного мирового хозяйства, рассмотрению инструментов контроля над глобальным финансовым, экономическим и информационным пространством, оценке влияния англосаксонской модели на конкурирующие системы капитализма, а также анализу взаимоотношений между Британией и США в процессах глобализации посвящается предлагаемое читателю исследование.

Часть I

Истоки лидерства

Глава 1. Англосаксонская идентичность

На протяжении веков Англия с неизменным постоянством предстает перед глазами изумленных путешественников чередой сменяющих друг друга идеально подстриженных зеленых лужаек, роскошных парков, уютных площадей и замковых башен. Туристов, впервые посетивших британскую столицу, завораживает вид величественных викторианских фасадов, богатых витрин магазинов, роскошных отелей и проплывающих мимо лимузинов. Черные кэбы и красные двухэтажные автобусы, виртуозно лавирующие в лабиринтах узких лондонских улиц, дружелюбные полицейские в натянутых на брови черных пробковых касках и королевские гвардейцы в высоких шапках из медвежьего меха, несущие вахту у стен Букингемского дворца, – все это здесь, чтобы напоминать о незыблемости традиций Британской империи.

Притягательная сила Англии с трудом поддается рациональному объяснению. Писатели и публицисты не устают направлять свои творческие усилия на поиск все новых разгадок таинственного английского характера, интерес к изучению которого, кажется, никогда не утратит своей актуальности.

Чопорность, хладнокровие, аристократизм, джентльменская вежливость, практицизм, предприимчивость, аналитический ум, чувство справедливости, изобретательность, консерватизм, недоверие к иностранцам, чудачество – вот далеко не полный перечень национальных черт англичан, о которых сложены легенды. Известный английский писатель Джордж Оруэлл в своей книге «Англичане» четко подметил данные черты, но в целом нарисовал картину о своих соотечественниках, как об эдакой миролюбивой мещанской нации, «абстрагируясь» от того факта, что эти «недотепы» превратили в свои колонии и полукolonии едва ли не полмира, самым безжалостным образом истребляя и поработав целые народы. Дж. Оруэлл был гениальным писателем, но его интеллект, странным образом, сконцентрировался на частностях, оставив почему-то без внимания ряд аспектов, дающих ключ к объяснению глубинной сущности английского характера.

Итак, каковы же главные составляющие успеха англосаксонской цивилизации в реализации задачи глобального доминирования на протяжении последних столетий? Для ответа на этот вопрос рассмотрим процесс формирования английской идентичности в расовом контексте.

Прежде всего, необходимо отметить, что официальное название государства, о котором пойдет речь в дальнейшем повествовании – Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Сразу оговоримся, что в современной публицистике и в специальной литературе названия Британия, Англия, Великобритания и Соединённое Королевство нередко употребляются в качестве синонимов официального названия страны. Поэтому в целях простоты изложения данный подход будет использован и в рамках нижеследующего анализа.

Подчеркнем, что важное отличие Британии от большинства остальных стран не только в том, что предместье британской столицы Гринвич расположено в зоне прохождения нулевого меридиана, но и в том, что сама страна расположена на острове, вернее сказать на островах. Островное местоположение играло немаловажную роль в обеспечении относительной безопасности Британии от внешних вторжений и оказало непосредственное влияние на

формирование национальной идентичности. Тем не менее, так было не всегда. Во время ледникового периода Британские острова были частью европейского континента. И только около 6000 г. до н. э., когда ледники стали активно таять, а уровень моря повысился, воды отрезали Ирландию от Великобритании, а Великобританию от Европы.

Сегодня Великобританию омывают с юга волны Ла-Манша, с запада – волны Ирландского, а с востока – Северного моря. Долгое время Ла-Манш обеспечивал безопасность от набегов захватчиков, однако около 1200 г. до н. э. в Центральной Европе начал активно развиваться народ, который греки называли «кельтами», а римляне «галлами». Около 1000 г. до н. э. кельты высадились на юго-восточной части Британских островов и постепенно расселились по остальной его территории. Один из кельтских диалектов, распространившийся на территории Великобритании, известен как бриттский (от того же имени получила свое название и Британия).

К тому времени, как кельты утвердились на Британских островах, они достигли своего могущества и в Европе и даже пересекли Альпы, вторгшись в Италию. В ответ Цезарь в августе 55 г. до н. э. переправился через Дуврский пролив и высадился на кентском побережье в юго-западной оконечности Британии. В ходе нескольких сражений, которые длились до 54 г. до н. э., Цезарь добился капитуляции бриттов. Так началась романизация Британских островов, вследствие чего на смену кельтскому языку и законам пришли латинские. Продвигаясь вглубь страны, римляне переправились через Темзу и построили у переправы укрепленный форт. Впоследствии он превратился в город, который римляне называли Лондиниумом, а британцы – Лондоном. Со временем он превратился в главный портовый и торговый центр. Почти на пять тысяч миль в разные стороны вели из Лондона построенные римлянами дороги. Вдоль этих дорог представители знати стали возводить виллы на манер итальянских с умывальнями и внутренними дворами.

Однако в течение IV века Рим неуклонно стал терять свою мощь, с трудом оказывая сопротивление германским варварам, и в 407 г. римские легионы, располагавшиеся в Британии, отплыли в Галлию. Бритты, брошенные на произвол судьбы, как могли, отбивались от нападений племен нецивилизованных ирландских скотов и шотландских пиктов, атаковавших их с севера, но в конечном итоге были вынуждены обратиться за помощью к англам, саксам и ютам, которые были приглашены в Англию в качестве наемников, чтобы защитить страну. Таким образом романизованное местное население пыталось сохранить свои жизненные устои. Подчеркнем, что именно трем вышеуказанным сильнейшим германским племенам и обязана своим происхождением современная английская цивилизация.

Из Северной Германии и Голландии (области, которая называлась Старой Саксонией) прибыли саксы. Англы приплыли с юга Датского полуострова (из земель которые все еще называются Ангели), а юты – из Ютландии. Из трех племен именно юты, хотя и первыми достигли Британии, были самыми слабыми. Период их могущества завершился около 600 г., когда англы и саксы стали хозяевами острова.

Следует заметить, что до прибытия в Англию англосаксонские племена были очень близки по языку и обычаям, к моменту же переселения в Англию они фактически смешались в одну народность. Собственно говоря, поэтому в современном языке и прижилось название «англосаксы». Вначале пришельцы не смогли создать единого государства, образовав, тем не менее, семь-восемь отдельных королевств. Но уже в первой четверти IX ст. все королевства были соединены в одну наследственную монархию под названием Англия.

На основании незначительных сведений из истории этого периода, можно предположить, что завоевание острова началось, как и колонизация Америки, с появления на восточном побережье небольших групп поселенцев, которые постепенно продвигались вверх по долинам рек, покоряя все новые и новые области. Уже и бритты были вынуждены оказывать саксам, которых сами же и позвали, упорное сопротивление. Однако в течение последующих

ста пятидесяти лет они практически полностью покорились англо-саксонским захватчикам. И к моменту христианизации (596 г.) англосаксы уже управляли всей Англией – от Кента до Восточного Дорсета, от восточного побережья до низовий Северна, Стаффордшира и Дербишира, большей частью Йоркшира и частью Нортумбрии и Дарема⁹.

В 793–890 и 991–1016 гг. Англия подверглась набегам викингов, которые впоследствии осели на севере и востоке острова. Традиционно первых викингов именуют данами, хотя, несомненно, в жилах английских «новопоселенцев» текла кровь разных скандинавских народностей. Викинги не были злобными варварами, мечтающими только о разрушении, пытках и смерти. Вероятно, многие из них просто искали свободные земли, чтобы поселиться. Причем, оседая в каком-то месте, они проявляли удивительную способность не только быстро перенимать все достижения иной цивилизации, но и создавать эффективную систему правления, свидетельством чему являются их современные потомки в Норвегии, Швеции и Дании, которые живут в наиболее развитых цивилизованных обществах¹⁰.

Следующий период носит название нормандского завоевания Британских островов, «этапным» событием которого стала битва при Гастингсе в 1066 г. В результате победу одержал нормандский герцог Вильгельм против англосаксонской армии короля Харольда, получив право провозгласить себя английским монархом.

В отношении влияния этого события на становление англосаксонской идентичности историки разделились на два лагеря – сторонников «разрыва» и сторонников «преемственности». Дело в том, что до начала XVIII века в историографии Англии активно развивалась «про-англосаксонская традиция», согласно которой реформированная церковь Англии полностью соответствовала духу древней саксонской церкви, а англосаксонское общество состояло из общин свободных людей, которые участвовали в демократических институтах¹¹. Позднее появляется целый ряд работ, в которых обосновывается идея разрыва с англосаксонскими традициями после нормандского вторжения. Так, Э.Фриман в «Истории нормандского завоевания в Англии» в превосходных степенях описывал англосаксонскую государственность, якобы разрушенную нормандцами. Дж. Раунд в «Феодальной Англии» пришел к выводу, что английский феодализм, в основе которого лежала «военная обязанность», был творением нормандцев. «Исследователь придавал принципиальное значение тому факту, что Вильгельм заключал договор со своими баронами, по которому те обязаны были, в обмен на землю, предоставлять в распоряжение короля определенное число рыцарей». Г.Адамс в «Истоках английского государства» утверждал, что после завоевания нормандцами уитаногемот (название королевского совета в англосаксонской Англии, собрание уитанов или «мудрых») был заменен собранием, строившемся по совершенно иным принципам, – феодальной курией, состоявшей из баронов, и именно из этой курии, по утверждению Г.Адамса, в конце концов, вырос английский парламент¹².

Ф.Стентон, последовательный сторонник «разрыва», в своей работе «Англосаксонская Англия» (1943 г.) пишет о радикальных переменах, которые нормандцы принесли во все сферы общественной жизни – экономику и политику, социальную структуру общества и государственное устройство: «Нормандцы, присвоившие Англию, были жестокой и яростной расой. Из всех западных народов, они ближе всего были к варварскому состоянию. Они не достигли практически ничего в искусстве и учености, а тем более в литературе, что было

⁹ Вильсон Д. М. Англосаксы. Покорители кельтской Британии. Пер. с англ. П.В.Тимофеева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С.27.

¹⁰ Азимов А. Англия: от Стоунхенджа до Великой хартии вольностей; [пер. с англ. Н.Поздняковой]. М.: Эксмо, 2009. С. 121.

¹¹ Метлицкая З.Ю. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание: Аналит. обзор. РАН ИНИОН. Центр социал. науч. – информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Отв. ред. Ястребицкая А.Л. М., 2003. С.24.

¹² Там же. С. 25–28.

бы сравнимо с трудами англосаксов. Но в политике никто не мог их превзойти»¹³. По некоторым версиям, главным вкладом нормандцев в английскую культуру стал «нормандский стиль» архитектуры: массивные, величественные соборы и мрачные мощные замки.

Как отмечает сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН З.Ю.Метлицкая, в XX веке в позициях противостоящих исторических школ «перемены наметились в 70–80-е годы... когда на основании вновь открытых источников было выявлено, что различия между англосаксами и нормандцами были гораздо меньшими, чем казалось историкам полвека назад... в 80–90-е годы многие исследователи начали делать акцент на преемственности между англосаксонским и англо-нормандским периодами английской истории»¹⁴.

В контексте рассмотрения особенностей расового влияния на формирование английской идентичности отдельного внимания заслуживает также разъяснение некоторых аспектов эволюции английского языка.

По сведениям Британской энциклопедии, английский язык является производной четырех германских диалектов, бывших в употреблении соответственно у англов, саксов, ютов и данов. К 1110 г. сформировался т. н. среднеанглийский язык, который сохранял германскую грамматику и вбирал в себя все больше слов французского языка, на котором говорила знать. С воцарением в Англии монархической династии Плантагенетов в 1154 г. германский английский еще больше разбавляется французским, появляется множество слов-синонимов, словарь увеличивается почти вдвое. Небезынтересно отметить, что на протяжении двух веков французский язык пребывал в употреблении английской аристократии, в то время как германский английский язык стал языком необразованного крестьянства, простолюдинов. Все личные окончания и склонения, которые все еще сохранились в современном немецком, исчезли. Постепенно английский превратился в национальный язык. Так уже в 1362 г., во время войны с Францией, английский язык заменяет французский сначала в системе судопроизводства, а к 1385 г. становится обязательным для всех частных школ Англии.

Характерно, что по своей этимологии лексика современного английского языка на 35 % состоит из слов германского происхождения и на 55 % из слов латинско-французского происхождения. Причем в письменной речи используется 85 % германских слов к общему числу слов текста. К примеру, у Чосера – 90 % германских слов, у Шекспира – 86 %, у Теннисона – 90 %. Выдающийся русский историк Н. Карамзин в «Письмах русского путешественника» отмечал: «Английский язык богат краденным, отнятым у других. Все ученые и по большей части нравственные слова взяты из французского или из латинского, а коренные глаголы из немецкого»¹⁵.

Известный французский историк Ф.Бродель утверждает, что термин «капитализм» был введен в английские научные круги немецким экономистом, социологом и историком В.Зомбартом книгой «Современный капитализм» (1902). По сведениям профессора МГИМО В.В.Согрина, Гегель ввел в оборот понятие «гражданское общество». Австрийский экономист и философ Ф.Хайек отмечал, что из немецкого языка был также заимствован термин «рыночная экономика».

Возможно, английский язык стал самым распространенным языком мира, благодаря тому, что долгое время избегал внимания грамматиков и отличался необычайной способностью воспринимать слова других языков. Действительно, сегодня английский язык ежегодно пополняется 4 тысячами новых слов и является самым лексически богатым языком в мире.

¹³ Там же. С. 29–30.

¹⁴ Там же. С.31.

¹⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 370–371.

Оксфордский словарь современного английского языка насчитывает более 615 000 слов (не включая нескольких миллионов технических и научных терминов), что, как минимум, в три раза превышает словарь любого другого используемого в мире языка.

Однако Англия обязана своим германо-французским «родителям» не только заимствованиями речи. С конца XII века на протяжении более трех веков экономическая культура и промышленность Англии находилась в зависимости от ганзейских купцов, которые добились особых привилегий и рыночных прав для себя от английских монархов и захватили монополию на всю внешнюю и внутреннюю торговлю королевства. Ганзейский союз (1241–1630 гг.) представлял собой мощное объединение в составе восьмидесяти пяти северонемецких городов, контролировавших торговлю на берегах Балтийского и Северного морей. В 1250 г. по предложению английского короля они основали в Лондоне знаменитую контору, которая «оказывала большое влияние на развитие английской культуры и промышленности». Англия для ганзейцев была тем же, чем впоследствии стали колонии по отношению к Британской империи. Она доставляла ганзейцам шерсть, олово, кожи, масло и другие продукты горных промыслов и земледелия, получая от них мануфактурные изделия. Память о ганзейских купцах – эстерлингах – увековечена в названии английской валюты. Как отмечает Ф.Лист, эстерлингами, или восточными купцами назывались ганзейцы, в противоположность западным, или бельгийцам и голландцам; отсюда происходит слово «стерлинг», или «фунт стерлингов» – сокращение слова «Эстерлинг», так как все обращавшиеся в то время в Англии деньги были ганзейскими. (Хотя существует и другая версия, согласно которой происхождение слова «стерлинг» относят к эпохе Вильгельма Завоевателя – на некоторых монетах, которые чеканились по распоряжению монарха, были выбиты маленькие звездочки, которых на древнеанглийском языке называли «стеорлмигами»).

Из периода порабощения ганзейскими купцами Англия вынесла важный урок: ***в условиях свободной торговли господствует та страна, которая продает промышленные изделия, а в подчинении оказывается страна, продающая сырье.***

От немцев англичане наследовали протестантизм, а вместе с ним любовь к труду, порядку, бережливости и умеренности. Индустриализация также пришла в Англию из Германии. Немцы обучили англичан технологии выкачивания воды из рудников, проводили в Англии опыты с топкой каменным углем при плавке железа, с рафинированием сахара. Швабские ткачи при Карле I ввезли на Британские острова основы хлопчатобумажного производства. Два аугсбургских капиталиста, Иоахим Гохштеттер и его сын Даниель заведовали королевскими рудниками при Генрихе VIII и Елизавете I.

В свою очередь, от французов ведет свое происхождение британская монархия. Сорок монархов правили в Англии в течение девяти столетий после нормандского завоевания, и каждый из них вел свой род от Вильгельма I. Нынешняя королева Англии Елизавета II – двадцать девятая в одной из ветвей потомков Вильгельма Завоевателя, и в ее роду было шестнадцать монархов. Представляет интерес также и тот факт, что с 1714 г. британская монархия переплелась с немецкой монархической династией¹⁶.

Французы сыграли также важную просветительскую роль и оказали огромное влияние на развитие политической мысли в Англии. До создания первых университетов молодые англичане отправлялись учиться в Париж (где вскоре после то г. был открыт университет), что было естественно для представителей высшего класса, которые, по сути, считали себя французами. О постепенном формировании английского самосознания свидетельствует открытие собственного университета в Англии, хоть и по французскому образцу.

¹⁶ Английская королева Елизавета II принадлежит к Саксен-Кобург-Готской династии, переименованной в Виндзорскую в начале прошлого века после того, как Георг V (двоюродный брат российского императора Николая II по материнской линии) во время Первой мировой войны отказался за себя и свою семью от всех немецких титулов и званий, приняв фамилию «Виндзор».

В развитие политической культуры в Англии существенная роль отводится шотландскому историку и гуманисту Джорджу Бьюкенену, воспитателю короля Якова VI. Как пишет российский историк А.Н.Савин, политические идеи Дж. Бьюкенена «связаны больше с Францией, чем с Шотландией. Он важен тем, что перенес на остров идеи, выработанные на континенте, особенно в среде французских монархомахов»¹⁷. Таким образом, Дж. Бьюкенена можно считать одним из первых проводников идеологии гражданского общества в Англии.

Централизованное государство в Англии также формировалось под влиянием французского опыта: богатые города объединялись с баронами против короля. Как отмечает российский историк и социолог Б.Ю.Кагарлицкий, первой победой такого рода стала Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*), которую принудили подписать неудачливого короля Джонна (Ионна Безземельного) в 1215 г. Новые шаги по преобразованию английского государства были предприняты в середине XIII века Симоном де Монфором (*Simon de Monfort*) – основателем английского парламента, положившим начало эволюции английских институтов, предопределившим впоследствии политическую специфику островного королевства¹⁸.

Подтверждением степени влияния французской культуры на формирование английской идентичности могут служить следующие факты. Английский философ Ф.Бэкон провел свои юношеские годы в Париже, где, будучи зачислен в состав английской миссии, он выполнял ряд дипломатических поручений. Именно во время трехлетнего пребывания во Франции шотландский философ и экономист Д.Юм подготовил свой главный труд «Трактат о человеческой природе». Под влиянием бесед с Вольтером и другими видными представителями парижских салонов А.Смит, один из отцов-основателей современной экономики, существенно изменил первоначальный ход мыслей в своем классическом труде о «богатстве народов». Поездка во Францию в 1920 г. оказала большое влияние и на мировоззрение известного английского мыслителя и экономиста Дж. С.Милля. Знакомство с французскими экономистами и общественными деятелями пробудило в нем живой интерес к континентальному либерализму, который он сохранил до конца жизни. И сам великий Шекспир много заимствовал у Монтеня, а Б.Джонсон у Монтеня и Жана Бодена. Сравнивая плоды творчества англичан и французов, Вольтер писал: «У англичан вовсе нет таких хороших историков, как у нас, у них нет настоящих трагедий, но они имеют прелестные комедии, восхитительные образчики поэзии и философов, которые должны были бы стать наставниками человечества. Англичане извлекли большую пользу из трудов, написанных на нашем языке, и мы, в свою очередь, должны воспользоваться их опытом, после того, как мы им дали в долг»¹⁹.

Вследствие переселения протестантских фабрикантов, изгнанных из Франции и Бельгии, Англия освоила выделку тонких шерстяных материй, шляп, бумаги, часов, стеклянных, льняных и шелковых изделий. У французов, в частности, англичане «переняли»: принцип свободной торговли *«laissez-faire»*²⁰, термин «политическая экономия»²¹, «закон Грэшема»²²,

¹⁷ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М.: «Крафт+», 2000. С.70.

¹⁸ Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. Дом Гос унта – Высшей школы экономики, 2010. С.76.

¹⁹ Вольтер. Философские сочинения. М.: Издательство «Наука», 1989. С.177.

²⁰ Происхождение термина *«laissez-faire»* приписывают Жану-Батисту Кольберу, министру финансов Франции в XVIII веке.

²¹ Авторство первой книги с таким названием – «Трактат политической экономии», вышедшей в свет в 1615 г., – принадлежит французу А. Монкретьену.

²² Открытие эмпирической закономерности, согласно которой «хорошие» деньги (т. е. с фактическим содержанием в них благородных металлов) вытесняются из обращения «плохими» деньгами (с меньшим содержанием благородных металлов), принадлежит французскому схоласту XIV в. Николаю Орезму. Позднее эта закономерность стала известной как закон Грэшема – по имени английского общественного деятеля, «перекрившего» её в XVII в.

количественную теорию денег²³, идею издания знаменитой «Энциклопедии»²⁴, кинематограф²⁵, рекламу²⁶, нелюбовь к личным контактам²⁷ и пристрастие к изысканным винам²⁸, архитектурный стиль и многое другое.

Однако наличие одних только идей еще не гарантировало их эффективного практического применения. Немцы оставались главным образом теоретиками, философами и были известны в Европе своей непрактичностью и неуклюжестью, что тормозило их дальнейшее коммерческое развитие. Франция была раздираема придворными интригами, в метрополии царил деспотизм, повсеместное увеличение католического духовенства было равносильно умножению непроизводительного класса, отсутствие последовательности и единства духовенства, короны и аристократии приводило к чрезвычайной дороговизне и неэффективности управления Францией.

В то же самое время, «коренное» население Британии – кельты относились к народам слабо предрасположенным к капитализму. Как утверждает немецкий экономист, социолог и историк В.Зомбарт, «верхний слой, дворянство, живет без всякой склонности к бережливости и мещанской добродетельности, а средние слои коснеют в традиционализме и предпочитают самое маленькое обеспеченное местечко неутомимой наживе... Кельты – горцы в Шотландии, главным образом шотландское дворянство: это рыцарское, любящее междоусобицы, несколько донкихотское племя, которое еще ныне держится за свои древние традиции кланов и почти не затронуто капиталистическим духом. Кельты – это те ирландцы, которые даже в вихре американской хозяйственной жизни по большей части сохранили свое размеренное спокойствие, и за океаном так же стремятся спастись в безопасную гавань какой-нибудь службы».²⁹

Хотя шотландцы были исключительно мужественны и воинственны (в ранней истории Шотландии было больше восстаний и свержений монархов с престола, чем в какой-либо другой стране), их чрезмерное суеверие мешало развитию городов и интеллектуальному подъему. Из-за бедности почвы, преобладания горных массивов и неудачного географического местоположения (Шотландия расположена на более чем 790 островах) шотландцы долгое время пребывали в нищете. Протестантизм, которым шотландцы гордятся, не принес им никакой пользы, и был не в силах освободить их от религиозных предрассудков. Шотландцы не могли изготовить даже оружия, которым воевали – оно завозилось из Фландрии.

Однако, характерной чертой шотландцев, как отмечает В.Зомбарт, является то, что наряду с евреями и флорентинцами, они принадлежат к величайшим народам-торговцам³⁰. Для материализации шотландского предпринимательского духа необходимо было уничтожить шотландскую аристократию, кровь которой противилась всякому торгашеству. С XV века она быстро приходит в упадок из-за вечной нужды в деньгах и своего неумения их тратить. Англия воевала с Шотландией на протяжении более четырехсот лет, но так и не

²³ Основу количественной теории денег заложил в XVI веке французский политик, философ и экономист Жан Боден.

²⁴ Первый том «Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел», известного как французская энциклопедия, был издан под редакцией Дени Дидро в 1751 г., в то время как первое издание аналогичного словаря под названием «Британская энциклопедия» было начато в Шотландии в 1768 г.

²⁵ Технология киносъемок принадлежит французскому изобретателю Льюису Ле Принсу.

²⁶ Первой в мире платную рекламу на своих страницах разместила французская газета La Presse в 1836 г.

²⁷ Во Франции существует выраженное культурное неприятие неформальных межличностных отношений, связанное с традиционной замкнутостью французской семьи и низким доверием среди французов, при одновременном выраженном предпочтении централизованному, иерархическому государству, к которому французы привыкли апеллировать при возникновении между ними проблем.

²⁸ В соответствии с Эденским трактатом 1786 г. в Англию был разрешен беспощинный ввоз французских вин.

²⁹ Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х т. Т 1. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2005. С. 262–263.

³⁰ Там же. С. 266–267.

смогла подчинить ее в полной мере. Акт об объединении с Англией был подписан разоренными и подкупленными шотландскими аристократами³¹. Чтобы окончательно лишить шотландскую аристократию поддержки и уважения на родине, в 1748 г. английский парламент принял закон, лишивший ее права наследования земли³².

После объединения с Англией в 1707 г. Шотландия, до этого отсталая во всех отношениях страна, пробуждается от вековой спячки и с этого момента начинается ее бурное развитие. В XVIII веке Глазго превращается в один из крупнейших промышленных центров. На этот период приходится творческий расцвет шотландских мыслителей Д.Юма, А.Смита и Джеймса Милля. Можно утверждать, что именно «шотландский фактор» сыграл важную роль в укреплении империалистического духа Британии. Шотландские рыцари, лишённые наследства, гораздо охотнее англичан выявляли желание осваивать британские заморские территории и гораздо легче ассимилировали с коренным населением. В середине XVIII века население Шотландии равнялось чуть более одной десятой населения Британских островов, однако три четверти всех британских мигрантов в Северную Америку в этот период были шотландцы и ирландцы. Шотландцы же составляли и около половины административного персонала Британской Ост-Индской компании: 47 % писарей, 48 % офицеров, 57 % клерков в коммерческих департаментах, 52 % фельдшеров³³. В период между 1717 и 1776 гг. примерно половина из 40 тыс. заключенных, которые были высланы в американские колонии, были уроженцами Шотландии и Ирландии. С 1730 года 12 из 52 британских премьер-министров были шотландцами, включая Т. Блэра и Г. Брауна. Отец бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона – Ян Доналд Кэмерон – был шотландцем. Первое издание «Британской энциклопедии» подготовлено «Обществом джентльменов в Шотландии». Хотя Шотландия сохранила свой собственный парламент, церковь и систему образования, она не имела права на самоуправление, которое напротив широко применялось Англией в отношении ее заморских территорий.

Объединение Англии с Шотландией фактически стало первым в новой истории «корпоративным» поглощением, которое было визуализировано на британском флаге. Несколько иную по форме, но не менее коварную по содержанию стратегию англичане применили в отношении Ирландии, которую окончательно присоединили к себе спустя сто лет после Шотландии. Но еще раньше в Ирландии англичане завели английские учреждения – парламент (с конца XIII века), государственную церковь и местное самоуправление английского типа. В конце XV века ирландский парламент был сильно ограничен: он не мог обсуждать ни одного проекта, не одобренного предварительно английским правительством. Затем были отняты избирательные права у католиков. Ирландский парламент стал, таким образом, представителем незначительного меньшинства. Многочисленные восстания подавлялись страшными жестокими мерами. Так, в 1641 г. невыносимое положение ирландцев привело к восстанию, в котором ирландцы надеялись вступить в союз с королевским правительством Англии. Восстание было жестоко подавлено армией под предводительством О.Кромвеля. Русский историк А.Н.Савин отмечает: «Кампания Кромвеля была не менее жестока, чем войны времен Елизаветы, а его земельная послевоенная политика отличалась еще большей свирепостью»³⁴. За время восстания ирландское население уменьшилось на одну треть – с полутора миллиона до миллиона – больше всего от голода и болезней. Для Кромвеля ирландцы были варварами «хуже шотландцев». Лорд-протектор рассматривал Ирландию

³¹ Paxman J. The English. A Portrait of a People. London: Penguin Books, 1998. P.43.

³² Бокль Г. История цивилизации в Англии; [пер. А.Н.Буйницкаго]. С.-Петербург: Типография Ю.Н.Эрлихъ, 1896. С. 500–501.

³³ Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World. London: Penguin Books, 2003. P. 39–40.

³⁴ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М.: Крафт+, 2000. С. 471.

как белый лист бумаги, лабораторию, в которой можно проводить любые социальные эксперименты.

Однако, в отличие от шотландцев, ирландцы были опасными конкурентами в промышленности и торговле. Они изготавливали лучшую в Европе шерсть, отличные суда и полотна. Сначала англичане отовсюду в Ирландии изгнали католиков и под страхом смертной казни запретили проповедование католицизма. Потом отобрали землю, которая находилась в общинной собственности ирландских кланов, и передали ее в руки протестантов. Затем запретили экспорт ирландской продукции за границу, разорили сельское хозяйство, полотняную и судостроительную отрасли, вырубili все дубы в Ирландии и разрешили поставлять ирландскую шерсть только в Англию. Примером безжалостной и жестокой политики англичан по отношению к ирландцам является голод 1848 г., когда в Ирландии умерло около 2 миллионов человек.

В 1848 г. будущий урожай картофеля – основной ирландской агрокультуры – был заранее законтрактован на вывоз в Англию и Европу. Но из-за неурожая картофеля оказалось недостаточно. И тогда англичане, применяя армейские части, стали насильно вывозить картофель, обеспечивая неукоснительное исполнение контрактов и силой оружия отбирать у людей последнюю еду. В связи с данными событиями российский писатель М. Калашников задается риторическим вопросом: «обратятся ли когда-нибудь ирландцы к мировому сообществу, потребовав от него признания «картофельного голодомора» геноцидом кельтов, а от Великобритании – миллиардных компенсаций за 1848 год?»³⁵.

Как отмечает советский журналист-международник А. Шальнев, «победоносная армия герцога Веллингтона, участвовавшая в разгроме войск Наполеона при Ватерлоо, наполовину состояла из ирландцев»³⁶. Сам «железный герцог» Артур Уэлсли Веллингтон был ирландцем, были ирландцами Бернард Шоу, Оскар Уайльд, Эдмунд Бёрк, Джонатан Свифт и многие другие выдающиеся деятели политики и культуры. К сожалению, не часто удается услышать упоминание этих фактов от представителей современной английской интеллектуальной и политической элиты. Характерно, что ирландцы сыграли выдающуюся роль в организации политической и религиозной жизни также и в США. «Ирландское господство в политическом хозяйстве больших городов – Нью-Йорка, Бостона, Чикаго, Буффало, Милуоки – к началу XX века уже вошло в легенду, и вместе с политическим контролем ирландцы получили возможность назначать членов своей общины на должности в полицейских департаментах и городских бюрократиях, что и обеспечивало значительный процент ирландской занятости в Америке... Большую часть энергии ирландцы тратили на американскую католическую церковь, многие годы находившуюся под руководством именно ирландских священников»³⁷.

Даже своими названиями главные английские партии обязаны шотландцам и ирландцам. Прозвище «тори» было присвоено английской консервативной партии, пошедшей от роялистов, которых их враги обвиняли в сочувствии ирландскому мятежу. После подавления англичанами ирландского мятежа от боеспособных ирландцев остались лишь отряды партизан, скрывавшиеся по непроходимым лесам и болотам. Этих партизан и звали *tories* (от ирландского *toriudhe*). В свою очередь, название английской либеральной партии, виги, связано с виггаморами (*Whiggamores* – западные горцы, господствовавшие на западе Шотландии), с которыми Кромвель вступил в соглашение в 1648 г., после второй гражданской войны, и поставил их во главе шотландского управления.

³⁵ Калашников М. Глобальный смуткризис. Минск: Харвест, 2009. С.185.

³⁶ Шальнев А.А. Британия: меж строк «неписанной» конституции. М.: Политиздат, 1982. С. 15–16.

³⁷ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: [пер. с англ.]. М. АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 495–496.

Важно подчеркнуть, что на Британские острова не ступала нога оккупанта с 1066 г.³⁸ (не считая немногочисленных французских экспедиционных корпусов), а современная конфигурация политической власти в Англии не менялась на протяжении последних 350 лет – со времени падения протектората Оливера Кромвеля. В частности, именно поэтому прогрессивные идеи реформирования, направленные на изменение политического устройства или социальную трансформацию общества, традиционно занимали незначительное пространство в умственном движении Англии.

Кромвель сыграл трагическую, но чрезвычайно важную роль в установлении современного политического уклада в Великобритании. Его реформы, связанные с упразднением монархии и верхней палаты английского парламента, по своему радикализму могли быть сопоставимы лишь с той жестокостью, с которой была осуществлена расправа над «духом» Кромвеля после реставрации монархии.

Следует в общих чертах упомянуть о событиях, предшествовавших восхождению Кромвеля к верховной власти. В 1603 г. после смерти Елизаветы I новым королем Англии стал шотландский король Яков VI (Яков I). Пренебрегая национальными интересами, он сблизился с Испанией, старым врагом Англии, нанося ущерб короне, и подрывая ее престиж. Яков I провозгласил полную независимость короны от парламента и, преследуя пуритан, проявил нетерпимость в религиозных вопросах.

В 1625 г. на престол вступил Карл I, однако политика осталась прежней: экономическое развитие страны тормозилось политикой налогов, пошлин, феодальной системой монополий. В 1628 г. парламента обратился к королю с «Петицией о праве». Со ссылкой на статуты Эдуарда I, Эдуарда III, «Великую хартию вольностей», данную еще Иоанном Безземельным в 1215 г., парламента категорично и бескомпромиссно требовал от короля уважения к правам личности в государстве и существующим законам. В ответ на эту дерзость в 1629 г. Карл I распустил парламента, и в течение и лет правил страной самолично, пытаясь подавить оппозицию путем проведения жесточайших репрессий. В конце концов, Англия разделилась на два враждующих лагеря. С одной стороны, были роялисты, приверженцы короля – аристократы, кавалеры, с другой, – плебейская часть населения, возглавляемая буржуазией и новым дворянством, – «круглоголовые» под предводительством Кромвеля. Сан короля обладал магической силой стародавних обычаев. И только огромная смелость и сила духа Кромвеля помогли сломать психологический барьер веками установившихся традиций. В 1649 г. король был казнен, а королевская власть была отменена как «ненужная, обременительная и опасная». После победы революции встал вопрос о новом правовом устройстве Англии. Мнения разделились. Представители партии «истинных левеллеров» или диггеров беднейшего крестьянства выступали за отмену частной собственности. Но Кромвель (сын небогатого землевладельца) был горячим приверженцем буржуазии и частной собственности. Он решительно выступил против всеобщего избирательного права, за которое ратовали левеллеры. Современники считали Кромвеля «самым умным по уму и энергии правителем в Европе после Ришелье». Возбудив энергию страдающего бедного народа в борьбе за свержение короля и аристократии, после победы революции, Кромвель снова заковал эту энергию в кандалы уже новой буржуазии.

Вольтер писал, что «англичане готовы повесить друг друга во имя своих устоев». В случае с Кромвелем данное качество англичан проявилось чрезмерно. Кромвель рано начал дряхлеть и скончался в 1658 г. в возрасте 59 лет в день, когда бушевал ураган исключительной силы. Спустя три года покоившиеся в Вестминстерском аббатстве тела Кромвеля и двух его соратников были извлечены из усыпальниц и перевезены в Тайбурн – ныне Марбл-Арч.

³⁸ Во время двух мировых войн территория Великобритании страдала только от нападений с воздуха, в то время как территория континентальной Европы была непосредственной ареной военных действий.

Там тогда совершались массовые казни. Затем трупы были облачены в саванны и повешены. На следующий день у них отсекли головы, а их туловища зарыли в выкопанной под эшафотом могиле. Вскоре после публичной «казни» Кромвеля, ему был сооружен памятник, установленный на Трафальгарской площади. Памятник Кромвелю по сей день соседствует на Уайт-холле с памятником Карлу I, обезглавленному по приказу Лорда-протектора. Подобное соседство, очевидно, должно служить напоминанием тем, кто решается усомниться в незыблемости и священности установившейся системы конституционной монархии в Великобритании.

Таким образом, английская нация сформировалась в ходе истории из самых различных племен. В нее вошли норманны, англосаксы, шотландцы, французы, датчане. Нежелание смириться с этим бесхитростным фактом, очевидно, объясняет традиционную враждебную настроенность английских политических элит к своим континентальным предкам. Даниель Дефо в своем политическом памфлете «Чистокровный англичанин» осмеял претензии лордов на чистоту их аристократической крови и вообще чистоту крови англичан, утверждая, будто бы вся новая (на тот момент) английская аристократия ведет свое начало от «французских лакеев, парикмахеров, гувернеров, или того хуже – разнузданных норманнских пиратов».

Можно предположить, что насильственное присоединение Шотландии и Ирландии восполнило, наконец, британцам тот недостающий дух предпринимательства, коммерческую жилку, которой так не доставало им для реализации своих преимуществ над голландцами, испанцами и французами в создании собственной империи. Можно также предположить, что именно шотландский и ирландский дух непокорства сыграли впоследствии немаловажную роль в борьбе за независимость североамериканских штатов от Британской империи.

Глава 2. Завоевание рынков

Русский писатель, литературный критик и публицист В.Г.Белинский сравнивал Англию с Древним Римом, обращая внимание на сходство этих империй по масштабам их завоеваний, обусловленных корыстными расчетами и стремлением к распространению собственных цивилизаций по всему миру.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграла «Британская энциклопедия» в глобальном распространении англосаксонского цивилизационного стереотипа. В ее подготовке принимали участие ученые с мировыми именами. По количеству переизданий, объему и многообразию содержащейся в ней информации «Британская энциклопедия» не имеет равных себе мировых аналогов.

По сведениям российского критика и публициста И.В.Шкловского, в конце XVIII века девятое издание «Британской Энциклопедии» было приобретено издательством Times, известного своей близостью к финансовым кругам лондонского Сити: «Компания, которой принадлежит это многомиллионное предприятие, задумала дать «ключ» к нему... Каждому из вышедших томов предшествует пространное «вступление»... Все эти статьи проникнуты общей идеей. Какая-то направляющая рука, затратив колоссальные суммы, решила при помощи авторитета десятого издания «Британской энциклопедии» установить определенный взгляд на группу фактов общественного характера». В частности, обращается внимание на то, что в этих статьях приводились данные, указывающие на исключительную роль традиций в развитие ранних цивилизаций; цементировалось понятие эволюции как возвышения сильных над слабыми, а также перечислялись многочисленные достижения и таланты британской расы в качестве обоснования ее права на господство над другими³⁹.

Известный английский мыслитель и экономист Дж. Ст. Милль признавал факт существования колоний и выступал против ликвидации Британской Ост-Индской компании, в которой он был активным акционером. В своей работе «Размышления о представительном правлении» Дж. Ст. Милль обосновал тезис о прогрессивности процесса завоевания цивилизованными нациями «отсталых» народов. Английский священник, демограф и экономист Т.Мальтус указывал на необходимость истребления диких племен, заселяющих заморские территории, с целью «освобождения плодородных земель и поступления их в распоряжение просвещенных и промышленных народов». Академик российской Академии военных наук С.Л. Печуров отмечает: «Сама атмосфера в британских колониальных поселениях способствовала рождению и процветанию расистских, а затем и чисто нацистских идей. Принадлежность к англо-саксонской расе в британских колониях по всему миру как раз и давала такую власть, о которой у себя на родине колонисты и мечтать не могли»⁴⁰. Именно представители британской философской школы шотландец Т. Карлейль и «духовный отец нацизма» Х.С.Чемберлен заразили теорией расового превосходства первых лиц Германского рейха и самого А.Гитлера. В частности, в своей работе «Арийское мирозерцание», Х.С.Чемберлен провел сходство индоарийцев с германцами, доказывая чистоту расы последних.

Как отмечает профессор кафедры Американских Исследований Санкт-Петербургского государственного университета Ю.Г.Акимов, в англосаксонском сознании идея Британской империи начала формироваться во второй половине XVII века (само выражение «Британская империя» появилось в 1692 г.). Однако, имперская хозяйственная и политическая структура сформировалась только к началу XVIII века. Причем концепция «теоретической империи»,

³⁹ Дюнео. Очерки современной Англии. С-Петербург: «Русское богатство», 1903. С. 86–88.

⁴⁰ Печуров С.Л. Англо-саксонская модель «особых отношений»: история и современность. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 91.

исповедуемая империалистами, вовсе не соответствовала «реальной империи» с ее потрясениями и искажениями⁴¹.

Небезынтересно отметить, что свою империалистическую политику Британия строила по формуле Аристотеля – великого защитника рабства классического мира. Смысл сводился к тому, что высшие расы рождены для господства, а низшие – для повиновения. Аристотель осуждал рабство греков, как осуждал и жестокость. По его мнению, раб, прежде всего, был чужой, иностранец. Британцы не только взяли эту формулу на вооружение, но и значительно усилили ее, в частности, во время колонизации Америки.

Стремительное развитие капиталистических отношений в Англии потребовало огромных социальных жертв. В период политики огораживания крестьяне в массовом порядке лишались своих земель, ремесленники разорялись, попадая в кабалу к перекупщикам и ростовщикам, – все это приводило к росту нищеты и безработицы. Превратившиеся в бродяг крестьяне наводняли города, участвовали в грабежах и убийствах, затрудняя развитие зарождающейся капиталистической экономики. По закону, запрещавшему бродяжничество и нищенство, изданному Генрихом VIII, 100 тысяч обезземеленных крестьян были повешены (число, сравнимое с совокупной численностью населения пяти крупнейших городов Англии того времени, за исключением Лондона). В данной ситуации переезд в Америку рассматривался чуть ли не единственным путем к спасению и выживанию. Основная масса переселенцев, не располагая собственными средствами для переезда через океан, была вынуждена заключать кабальные соглашения с судовладельцами и купцами. Им приходилось работать от двух до семи лет буквально в положении рабов, обязанных выполнять любую работу, которую определит им предприниматель в счет уплаты средств, затраченных на их переезд в Америку. Такие рабочие назывались «законтрактованными слугами». Они составляли от половины до двух третей эмигрантов, прибывших в Северную Америку в период 1650–1780 гг. Для английских мигрантов, подписывающих подобный контракт, эта пропорция в отдельных областях составляла семь из десяти человек.

Но белая иммиграция не удовлетворяла полностью потребности колоний в рабочей силе. Поэтому наряду с белым рабством в Америке возникло рабство «цветных». В период с XVI по XIX вв. в Америку было насильственно перевезено приблизительно двенадцать миллионов африканцев (из которых более 20 процентов умерли в пути). Эта была самая крупная недобровольная миграция за всю историю существования человечества. Она способствовала становлению крупнейшей рабовладельческой империи со времени Рима. Содержание раба-негра обходилось в два раза дешевле, чем содержание законтрактованного рабочего. Кроме того, раб-негр был выгоднее, поскольку становился собственностью хозяина на всю жизнь, тогда как законтрактованные по истечении срока контракта становились свободными.

По мнению Н.Старикова, исходя из количественных потребностей в рабочих руках, завезенные чернокожие африканцы могли быть вполне заменены местными краснокожими индейцами, однако последние оказывали активное сопротивление колонизаторам, следствием чего стала их практически полная ликвидация: «На время прихода европейцев на землях 48 штатов проживало 12 млн. индейцев. К началу XX века чистокровных индейцев осталось 250 тыс. 70 % индейцев – беженцы в собственной стране, согнаны со своей земли. США провели геноцид, не сравнимый ни с чем: они истребили 99,6 % индейцев»⁴². Геноцид пришелся на тот период, когда США на три четверти состояли из переселенцев с Британских островов.

⁴¹ Акимов Ю.Г. От колониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVIII – начале XVIII в. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Изд-во С. – Петербургского университета, 2005. – С. 57.

⁴² Стариков И. Кризис: Как это делается. СПб.: Питер, 2010. С. 264.

Официальным выражением территориальных притязаний англичан в Северной Америке являлись колониальные хартии и патенты, выдаваемые английскими монархами. Эти документы издавались в преддверии каждого колониального предприятия. В них, как правило, перечислялись земли, передававшиеся той или иной колонии. Однако, по мнению Елизаветы I, только «реальное владение и эффективная оккупация», а не простое открытие или папское пожалование давало право на те или иные заморские территории. В данной связи необходимо отметить, что с самого начала колонизации Северной Америки английские колонии существенно превосходили французские и голландские по численности населения. Так, к 1663 г. в английских, французских и голландских колониях в Северной Америке насчитывалось 83,5 тыс. человек. При этом 48 % из них (40 тыс.) приходилось на долю Новой Англии, 36 % (30 тыс.) – на долю Вирджинии и Мэриленда, 12 % (10 тыс.) составляло население Новых Нидерландов и только 4,2 % (3,5 тыс.) – Новой Франции. В 1710 г. англичан было 331,7 тыс., тогда как во всей Новой Франции в 1706 г. насчитывалось лишь 16,4 тыс. поселенцев⁴³.

Концепция Британской империи времен Елизаветы I базировалась на протестантизме и верховенстве Англиканской церкви, которые противопоставлялись и служили мощным религиозным оружием против главного на то время морского соперника Англии – Испании, исповедовавшей католицизм и сохранившей фанатичную верность Папе Римскому. Хотя англиканское духовенство сохранило многие католические обряды, особенно педантически дотошное взимание десятины, однако ни в Англии, ни в Ирландии нельзя было получить должность, не числясь среди «ревностных англикан». Как отметил Вольтер: «Англия – страна сект. Англичанин – человек свободный. Однако, истинная религия англичан – та, которая помогает составить себе состояние, это епископальная секта, именуемая англиканской, или истинной церковью»⁴⁴.

Другим оружием сдерживания колониальной экспансии Испании было открытое поощрение со стороны британского правительства английского морского разбоя, который постепенно превратился в «грандиозную необъявленную войну против испанских судов и испанских колоний». При этом между Лондоном и Мадридом официально сохранялся мир. Когда испанский посол Б. Мендоса непосредственно обратился к Елизавете I с требованиями о возмещении ущерба, нанесенного Испании во время знаменитого рейда «Золотой лани» английского «морского пса» Фрэнсиса Дрейка, британская королева уклонилась от немедленного ответа и с тех пор под различными предлогами стала избегать встречи с испанским послом. Корсары Фрэнсиса Дрейка участвовали также и в разгроме испанской «Непобедимой армады».

Таким образом, успехам в колониальных компаниях британское правительство было во многом обязано своим непосредственным связям с организованной преступностью. Королева Елизавета I – дочь многоженца Генриха VIII от брака с бойкой придворной красавицей Анной Болейн – охотно выдавала негласные лицензии английским пиратам, дававшие им право грабить испанские корабли на условиях дележа добычи с британской короной. В период с 1585 по 1604 год в бассейне Карибского моря грабежам английских пиратов подвергались от 100 до 200 испанских кораблей, что давало около 200 000 фунтов годового дохода⁴⁵. Одним из наиболее выдающихся представителей английских пиратов был Генри Морган, который неоднократно грабил испанские колонии у берегов Нового Света. За заслуги перед британской короной Генри Моргану был пожалован наследуемый титул баронета, он был

⁴³ Акимов Ю.Г. От колониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVIII – начале XVIII в. Изд. 2-е, перераб. и доп. / СПб.: Изд-во С. – Петербургского университета, 2005. С. 53.

⁴⁴ Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1989. С. 84.

⁴⁵ Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World. London: Penguin Books, 2003. P.8.

произведен в звание вице-адмирала, командующего королевской флотилией и судьи адмиралтейства, а также получил должность исполняющего обязанности губернатора Ямайки. Точно также титула баронета и звания вице-адмирала был удостоен и пират Фрэнсис Дрейк.

В более позднее время это военное превосходство на морях и роль пулемета «Максим» на суше обеспечивали Англии относительно легкое овладение заморскими территориями. Английский барон Ротшильд, выкупивший у американского изобретателя Хирама Максима монопольное право на производство смертоносного оружия, щедро снабжал им британские военные формирования во время завоевания Африки. Одного пулеметного расчета из 4 человек – скорострельность «Максима» составляет 500 выстрелов в минуту – хватало, чтобы уложить сотни аборигенов, вооруженных стрелами и дротиками.

Возбужденные успехами экспедиции Колумба, который в надежде достичь Востока, открыл Америку, англичане, обуреваемые жадной освоенной сказочной Индии, открыли полуостров Лабрадор. Это открытие послужило позднее основанием для предъявления претензий англичан на весь материк Северной Америки. Соревнуясь с немцами, англичане приобретали огромные территории в Западной и Восточной Африке. Вслед за колонизацией Германией Камеруна, Англия основала так называемую «British Niger Company» с целью заселения обширных областей от устьев реки Нигера до озера Чад. Впоследствии из этих ее владений была образована колония Нигерия, превратившаяся в XX веке в западноафриканский нефтяной плацдарм для британских и американских транснациональных компаний.

Конкуренция со стороны германской промышленности стала также важной причиной усиления империалистических настроений в Англии. Если в 1893 г. в Россию ввозилось больше изделий английских промышленников, чем немецких, то уже через три года российский импорт из Германии почти в два раза превышал импорт из Англии. Английская пресса бьет тревогу, подогревает страсти против иностранных конкурентов, в первую очередь Германии. «Спасение в империализме», «империализм – это широкое развитие промышленности», «промышленность следует за флагом». Цементируется общественное мнение о том, что промышленность можно спасти только путем завоевания новых стран.

Англичанам нужна была Африка от Капской колонии до Каира, чтобы проложить колоссальную железную дорогу с целью сбыта миллионов пудов рельсов, которые некуда было девать. На постройку правительство ассигновало 5 млн. фунтов. Приступили к постройке без планов. Инженеры прокладывали путь, не зная, что будет через 20 верст: гора, болото, река. Зато был обеспечен рынок для бирмингемских колес и винтов. Захват новых территорий означал новые спекуляции на землю, на золото, на каменный уголь, существующий и не существующий. Массы были увлечены той идеей, что империализм сулил расширение рынков, увеличение промышленности и заработной платы, счастье и благосостояние трудящихся. Был принят закон, преграждающий эмигрантам доступ в Англию. Священники получали взятки для пропаганды империализма в церковных школах; они доказывали, что отлично сумеют культивировать военный дух, если только им передадут все средние школы. Они даже Евангелие издали в военном переплете цвета «хаки» с национальным флагом на обложке.

Сопrotивление корыстолюбивым планам англичан со стороны населения Африки подавлялось актами беспрецедентного вандализма и жестокости. Так, во время Англо-бурской войны англичане задолго до Гитлера применили систему концентрационных лагерей для завоевания непокорного коренного населения Южной Африки. В британских концентрационных лагерях умерло в общей сложности 27 927 буров (большинство из них дети) или 14,5 % всего бурского населения – больше, чем в результате непосредственных военных действий⁴⁶. Причиной их смерти было недоедание и плохие санитарные условия. Целью

⁴⁶ Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World. London: Penguin Books, 2003. P. 280.

Англо-бурской войны было закрепление права на первенство англичан в разработке золотых приисков. И хотя после открытия золотых копий буры были готовы отказаться от права их эксплуатации и просили оставить им только пахотные земли для обеспечения себя продуктами пропитания, англичане проявили полную безучастность к подобным просьбам.

В августе 1999 г. Африканская комиссия правды по вопросам мировых репараций и репатриаций (The African World Reparations and Repatriation Truth Commission) выставила странам, участвовавшим в работорговле и колониальных захватах, счет в размере 777 трлн. долл, в качестве возмещения убытков, понесенных Африкой с учётом оценки человеческих жизней, а также стоимости алмазов, золота и других полезных ископаемых, отнятых колонизаторами. По самым скромным подсчётам британская доля составляет около 150 триллионов фунтов стерлингов⁴⁷. Тем не менее, вряд ли африканское сообщество в данном вопросе может рассчитывать на тот же успех, который, к примеру, имело американское еврейское лобби жертв Холокоста. Дело в том, что Африка давно уже потеряла свою первоначальную привлекательность для британских капиталовложений. Если накануне Второй мировой войны доля Африки в общем объеме британских зарубежных активов составляла 13 %⁴⁸, то сегодня лишь 0,7 %. В настоящее время свыше половины (53 %) британских зарубежных активов сконцентрировано в Европе, а еще треть инвестирована в экономики двух американских континентов (с долей США в 29 % от мирового объема британских капиталовложений).

Отдельного внимания заслуживает история завоевания англичанами Индии. В 1700 году население Индии в двадцать раз превосходило население Британии. Доля страны в мировом производстве составляла 24 %, Британии – 3 %. До прихода английской Ост-Индской компании в Индию империя Моголов являла собой символ могущества, величия и великолепия. Вот как описывает состояние империи на тот период британский историк П.Брендон: «Двор был самопровозглашенным раем драгоценных камней, шелков, духов, одалисок, слоновой кости и павлиньих перьев. Английские гости чувствовали себя униженными такой роскошью. Когда «Джон-компани» (так ее прозвали) подарила императору Джахангиру (чье имя означает «покоритель мира») карету, он приказал заменить все металлические части серебряными и золотыми. Города моголов были богаче и красивее Лондона и Парижа. Купцы оказались богаче банкиров из Гамбурга и Кадиса. Производители хлопка одевали большую часть Африки и Азии, а количество населения империи (сто миллионов человек) соответствовало числу европейцев. Слоновья кавалерия могла напугать Ганнибала, а артиллерия вызвала бы благоговейный трепет у Людовика XIV. Более того, XVII век стал золотым для искусства, поэзии, живописи и архитектуры моголов»⁴⁹.

Понятно, что в подобных условиях англичане могли действовать только нестандартными методами. Один из таких методов описан французским социалистом, историком и журналистом XIX века Луи Бланом. По словам Л.Блана, в 1715 г. к Делийскому двору Великого Могола Фаррухшияра прибыла посольская делегация от Английских калькуттских дельцов с жалобой на наместника Муршид Кули-хана с целью обсуждения вопроса получения привилегий для британской Ост-Индской компании. В то время Могол чрезвычайно страдал мучительной мужской болезнью, которая была причиной его воздержания от своей страсти к дочери раджи. Так случилось, что в посольской делегации был доктор Уильям Гамильтон, который и вылечил Могола от недуга. В качестве благодарности Могол выказал готовность выполнить *любую* просьбу врача. Так были получены привилегии, которые стали основой великой хартии англичан в Индии⁵⁰. По сведениям К.Маркса, Фаррухшияр подарил

⁴⁷ Там же. Р. XII.

⁴⁸ Там же. Р. 244.

⁴⁹ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. С. 61.

⁵⁰ Блан Л. Письма об Англии. Т.2. Пер. под ред. М.А.Антоновича. С.-Петербург: Издание Пет. В.Щапова, 1866. С.59.

английским купцам 38 городов и освободил их от уплаты налогов, введя для каждого тюка их товаров «дастак», или официальный пропуск, освобождающий его от осмотра чиновников⁵¹.

Русский автор А. Салтыков рисовал в журнале «Отечественные записки» неприглядную картину английского управления Индией. Он возлагал на англичан вину за нищету индийского народа на фоне огромного природного богатства страны. В частности А. Салтыков писал: «Целое столетие владеют англичане этой землей, но как мало они сделали для благоденствия народа. Ост-Индская компания, обогащаясь за счет Индии, не открыла ни одного колодца, не вырыла ни одного пруда, не построила ни одного канала. В настоящее время страна эта стала беднее, чем ранее: промышленность ее погибла, богатые города опустели, и там, где раньше было 200 тыс. жителей, теперь живут едва 15 тыс. Английские школы и миссии не принесли пользы народу, земли запущены, публичные работы не ведутся. Налоги остались в том виде, как во времена Акбара, но с тех пор введена монополия на продажу соли и огромные территории засеяны маком для производства опиума. Из обнищания Индии выгоды извлекла только Ост-Индская компания, которая для сохранения своего господства сеет рознь между племенами»⁵².

В наихудшем положении оказалась Бенгалия. В 1765 г. там произошло восстание, которое только усилило власть Ост-Индской компании, выкупившей у императора моголов право на сбор налогов. Благодаря этому в период между битвами при Плесси и Ватерлоо доходы с Индии достигли миллиарда фунтов стерлингов. Результатом проведения рыночных реформ в Бенгалии стал катастрофический голод 1770 г., во время которого, по утверждению тогдашнего английского администратора Уоррена Гастингса, умерло не меньше 10 миллиона человек – треть населения края⁵³.

Еще в середине XVIII века Индия была второй крупнейшей мировой экономикой после Китая. К 1750 г. на индийский субконтинент приходилось четверть всего мирового ремесленного и промышленного производства, тогда как на Британию не более 1,9 %⁵⁴. Однако с приходом промышленной революции ситуация резко изменяется в пользу Туманного Альбиона. Б.Ю.Кагарлицкий пишет: «Уже в 1793 году производительность ланкастерского текстильщика была в 400 раз выше, чем у индийского ткача. Не удивительно, что после того как в 1813 году в Индии была введена свободная торговля, ее первейшим последствием стало крушение местного производства. Если до того Индия имела позитивный торговый баланс с Европой и Англией, то в последующие 20 лет импорт тканей из Британии вырос в 50 раз, а экспорт текстиля в Британию сократился на три четверти. Для самих индийских ткачей это обернулось катастрофой, когда сотни тысяч людей, потеряв работу, просто умирали от голода. Дакка, бывшая цветущим центром текстильного производства в XVIII веке, превратилась в город-призрак, за те же 20 лет её население сократилось со 150 тысяч до всего 20 тысяч жителей»⁵⁵. В 30–40-е годы XIX века 40 % индийского экспорта стал составлять опиум, торговля которым находилась под контролем британской Ост-Индской компании⁵⁶.

Хотя индийским предпринимателям предоставлялись широкие возможности участия в деятельности Ост-Индской компании, тем не менее, распределение доходов шло преимущественно в пользу британских бизнес-партнеров. В 1757–1947 годах британский ВВП увели-

⁵¹ Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664-1858 гг.). ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. С.43.

⁵² Цитировано по: Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. – С. 295.

⁵³ Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации Б.Ю.Кагарлицкий. М.: Изд. Дом Гос ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 475.

⁵⁴ Там же. С. 443.

⁵⁵ Там же. С. 524.

⁵⁶ Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World / London: Penguin Books, 2003. P.134.

чился на 347 %? индийский – на 14 %⁵⁷. В период колонизации Британией Индии рост доходов на душу населения там был практически заморожен. Между 1820 и 1950 гг. он составлял всего лишь 0,1 % в год, что было обусловлено нежеланием Британии развивать местную промышленность. Напротив, в Индии всячески поощрялся импорт товаров и менеджмента, в первую очередь, конечно же, из Британии, благодаря действию на ее территории ставок импортных тарифов, считавшихся одними из самых низких в мире. В результате подобного пренебрежения развитием собственной промышленности на момент получения независимости от Британии в 1947 г. Индия была вынуждена импортировать даже самые примитивные изделия вплоть до иголок для шитья⁵⁸.

Еще более коварной была история завоевания англичанами внутреннего рынка Китая.

На протяжении первых восемнадцати столетий после Р.Х. Китай был крупнейшей экономикой мира. При этом стоит заметить, что уникальная китайская цивилизация развивалась на протяжении более четырех тысячелетий, причем последние два тысячелетия – как унитарное государство «великой гармонии» и «пресвящённого абсолютизма».

Поднебесная Империя не признавала европейской модели демократического равенства суверенных государств и считала, что ни одно общество не может сравниться с ней по культуре и величию.

Опасаясь нарушения многовековых государственных устоев, Китай сознательно не вступал в отношения с западными «варварами», не признающими Китай центром мира. И, стоит заметить, что эти опасения были небезосновательны. Средневековый Китай на много веков опередил Запад в великих научных и технических открытиях (флот, компас, сейсмограф, фарфор, книгопечатание, порох, шелк, бумажные деньги, вентиляционные системы и пр.), но впоследствии отказался от модернизации технических изобретений, как угрозы разрушения традиционной структуры китайского общества.

Воспитанные в духе конфуцианского учения, китайские чиновники не имели представления о таких атрибутах западной индустриализации, как паровой двигатель, капиталистическое кредитование и частная собственность.

Китай не интересовался успехами развития других цивилизаций и не пытался навязывать свои ценности чужакам, но позволял приобщаться к ним, требуя лишь одного – признания своего превосходства, в том числе и путем принесения дани в виде дорогих подарков китайским императорам.

Преследуя политику изоляционизма, Китаю удалось создать богатое и самодостаточное государство, которое французский политический экономист Франсуа Кёнэ называл «самым красивым и процветающим королевством в мире».

Подобное благополучие, однако, не давало покоя и вызывало зависть у Англии – крупнейшей морской и торгово-промышленной империи Запада. Однако все английские дипломатические миссии в Китай с целью установления дипломатических отношений и расширения двусторонней торговли путем устранения существующих торговых барьеров, потерпели фиаско.

Показательной в данной связи является первая серьёзная английская дипломатическая миссия во главе с лордом Джорджем Маккартни, пребывавшая в Китае в 1793–1794 гг. Для ознакомления китайского руководства с достижениями английской науки и техники в состав делегации были включены металлург, часовщик, терапевт, механик, хирург, мастер по изготовлению математических инструментов и группа «Квинтет немецких музыкантов» для ночных выступлений. Англичане привезли с собой образцы продукции, которую они планировали продавать Китаю: инкрустированные бриллиантовые наручные часы, артиллерийское

⁵⁷ Там же. P.217.

⁵⁸ Rajan R G. Fault lines: how hidden fractures still threaten the world economy. Princeton: University Press, 2010. P. 50–52.

орудие, английские копии китайского фарфора, планетарий немецкой работы, телескопы, теодолиты, помпы, портреты короля и королевы кисти Джошуа Рейнольдса и др.

Когда делегация перемещалась в летнюю резиденцию императора на северо-востоке от Пекина на нагруженных подарками и деликатесами китайских судах были вывешены лозунги, написанные китайскими иероглифами: «Английский посол везет дань императору Китая». Глава английской делегации решил опротестовать данное, как он думал, недоразумение во время личных переговоров с императором. Однако после двух протокольных встреч с императором переговоры так и не начались. Вместо этого Маккартни было вручено письмо китайского монарха на имя английского короля Георга III, в котором, в частности, говорилось: «Ты, о Король, живущий далеко за многими морями, тем не менее возгоревшийся смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, направил миссию, несущую с почтением твое послание... Диковинные и дорогие предметы меня не интересуют. Если Я и отдал распоряжение принять дань, отправленную тобой, то только из уважения к твоему желанию, которое побудило тебя послать их из такой дали... Как твой посол смог убедиться, у нас все есть»⁵⁹.

Подобным ответом была продемонстрирована приверженность китайских императоров традиционной внешнеполитической китаецентристской доктрине, обуславливавшей высокомерно-пренебрежительное отношение ко всем иностранцам. Установлению дипломатических отношений с Китаем воспрепятствовало также нежелание высокопоставленного английского дипломата выполнить традиционный церемониальный обряд коу-тоу – трижды встать на колени и девять раз ударить челом перед китайским монархом. Униженная английская делегация была вынуждена отбыть восвояси.

Внешнеторговый баланс Англии с Китаем был хронически негативным и покрывался серебром. В английском экспорте в Китай в первой половине XVIII века серебро составляло львиную долю: в 1708 г. – 96,5 %; в 1730 г. – 97,5 %; в 1750 – 86 %⁶⁰. Едва ли не единственным «английским» товаром, пользовавшимся спросом у китайского населения, был... опиум. Однако продажа и курение опиума в Китае были запрещены законом. В целях компенсации оттока серебра в обход действующего в Китае закона, запрещавшего продажу и курение опиума, в 60-х годах XVIII века англичане организуют контрабандный завоз опиума в Китай частными компаниями из Индии. Впоследствии экспорт опиума был взят под контроль Ост-Индской компании, что фактически означало нарушение китайского запрета на ввоз опиума уже непосредственно со стороны английского правительства. С середины 60-х гг. XVIII века экспорт опиума в Китай (до этого не превышавший установленной законом нормы в 200 ящиков для использования в медицинских целях) стал стремительно возрастать. В последние годы XVIII века в Китай ввозилось ежегодно около 2 тыс. ящиков опиума, в первые годы XIX века – до 4 тыс. и более ящиков, в 1821 г. – 7 тыс., в 1824 – 12,6 тыс., в 1834 – 21,8 тыс., в 1837 г. – 39 тыс., в 1838 – 40 тыс. ящиков (ящик опиума весил около четырех пудов⁶¹)⁶². К концу XVIII века выручка от ввозимого в Китай опиума уже равнялась стоимости легального английского экспорта. Торговля опиумом стала источником внушительных доходов местных властей и чиновников в форме всепроникающего взяточничества. В начале XIX века опиокурение в Китае превратилось в национальное бедствие, угрожавшее нравственному и физическому здоровью народа: курильщиками опиума являлись 1–2 человека

⁵⁹ Киссинджер Г. О Китае; пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: Астрель, 2013. С. 54–59.

⁶⁰ Сладковский М.И. Китай и Англия. М.: Наука, 1980. С. 18.

⁶¹ 1 пуд = 16,3804815 кг

⁶² Ефимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Главное издательство политической литературы, 1951. С. 34–35.

из десяти среди столичных чиновников, 2–3 из десяти среди провинциальных чиновников, 5–6 из десяти среди писцов и чиновников уголовной и налоговой палат.

Наивные попытки прекратить поставки опиума военным путем закончились для Китая полным провалом. Китайские чиновники пребывали в абсолютном неведении относительно многократного технического превосходства английского флота, а китайский военно-морской флот, в соответствие с политикой изоляционизма, был расформирован еще в XV веке и с тех пор не модернизировался.

Первая «опиумная война» (1839–1842 гг.) закончилась для Китая поражением и подписанием неравноправного Нанкинского договора. Договор обязывал Китай уплатить контрибуцию в 21 млн. долл. По этому договору были удовлетворены претензии англичан по всем основным вопросам, остававшимися спорными более 200 лет. Китай уступил в «вечное владение» Англии Гонконг, который превратился в важнейшую торговую и военную базу англичан. Была ликвидирована торговая компания «Кохонг», которая с 1720 г. монопольно контролировала всю торговлю Китая с иностранными купцами. Таким образом, торговая изоляция Китая была сломлена насильственным путем. В результате открытия для английской торговли пяти китайских портов (Кантон, Амой, Нинбо, Фучжоу, Шанхай) пали преграды, охранявшие рынок Китая от наплыва английских товаров. «Свобода торговли», которой так домогалась Англия, на деле обернулась для Китая жёсткой регламентацией ее режима. Китай был лишен суверенного права самостоятельно устанавливать таможенные пошлины на экспортные и импортные товары, которые были снижены в 2–4 раза (до 5 %) по сравнению с периодом до заключения Нанкинского договора. Нарушением суверенитета Китая было и принятие принципа экстерриториальности, согласно которому провинившийся на территории Китая англичанин отныне должен был отвечать по английским, а не по китайским законам. Кроме того англичанам (равно как и другим иностранцам) предоставлялось право учреждения селтльментов, т. е. территорий, на которых иностранцы осуществляли свое управление, держали свою полицию и войска. Англичане добились для себя принятия «режима наибольшего благоприятствования», согласно которому все привилегии, получаемые любой державой в Китае, автоматически распространялись на Англию.

В результате поражения во второй «опиумной войне» (1856–1858 гг.), нанесенного Китаю объединенной англо-французской армией, были подписаны Тяньцзиньские договоры. Англия и Франция получили право содержать дипломатические миссии в Пекине, английские и французские корабли получили право судоходства по реке Янцзы. Для иностранной торговли были открыты пять новых портов; были сняты всякие ограничения деятельности христианских миссионеров. Китайцев заставили подписать соглашение, легализирующее торговлю опиумом. Объем торговли опиумом непрерывно возрастал: в 1845 г. в Китай было ввезено 39 тыс. ящиков, в 1850 г. – 52,9 тыс., в 1855 г. – 78,3 тыс. ящиков. Британцы продолжали продавать опиум до принятия Гаагской конвенции, которая запретила его экспорт лишь в 1912 г.

Поражение в третьей «опиумной войне» (1859–1860 гг.) привело к подписанию новых кабальных для Китая договоров, известных под названием Пекинских конвенций. Китайское правительство согласилось выплатить Великобритании и Франции контрибуцию в 8 млн. лян⁶³, открыть для иностранной торговли порт Тяньцзинь, разрешить использовать китайцев в качестве рабочей силы в колониях Великобритании и Франции. К Великобритании с этого момента отходил в собственность Коулунский полуостров.

Российский историк О.Е. Немоппин отмечает: «важным средством закабаления Цинской империи было лишение её таможенной независимости. В 1859 г. англичане при поддержке США и Франции взяли в свои руки «Управление императорских морских таможен

⁶³ Лян – китайская валюта, приравненная к приблизительно 37 граммам серебра. 1 лян = 1 р. 40 к.

Китая», поставив во главе его Р.Харта. Последний в течение 45 лет (1863–1909 гг.) был бесменным генеральным инспектором и фактическим хозяином морских таможен. К 1898 г. такой контроль был введён в 33 портах. Все доходы от морских таможен не только проходили через Р.Харта и его помощников, но и частично хранились в английских банках»⁶⁴. Наибольшие выгоды из утраты Китаем политической и экономической самостоятельности извлекла Британия, на которую к 1898 году приходилось 82 % китайской внешней торговли⁶⁵. К 1900 г. порядка одной шестой британского экспорта ввозилось в Китай. Британские коммерческие суда перевозили три четверти предметов китайской внешней торговли и обеспечивали до половины прибрежных перевозок местных коммерсантов⁶⁶.

Итак, как следует из вышеприведенного анализа, преследование коммерческих и торговых интересов выступало главной причиной установления Англией мирового господства. При этом метрополия никогда не отягощала себя какими-либо моральными принципами ни в отношении заморских колоний, ни в отношении стран континентальной Европы. Вышеприведенный анализ указывает на качества английского имперского характера, не утратившие актуальность и по сегодняшний день: жестокость, коварство и упорство в достижении целей управления глобальными процессами с целью извлечения из этого максимальной коммерческой выгоды.

⁶⁴ Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2005. С. 510.

⁶⁵ Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Б.Ю.Кагарлицкий. М.: Изд. Дом Гос ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 536.

⁶⁶ Печуров С. Л. Англо-саксонская модель «особых отношений»: история и современность. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 82–83.

Глава 3. Всеобщая коммерциализация

Как утверждает английский историк Э.Робертс, ни одна из великих идей, которые англосаксы популяризируют и пропагандируют миру, им не принадлежит. Принципы парламентской демократии (один человек – один голос) они наследовали у греков, систему права – у римлян, у голландцев – основы современного капитализма (биржи и банковское кредитование), у немцев – протестантизм, у французов – просвещение. При этом благодаря прагматизму и склонности к *новаторству* британцы на практике реализовали идею конституционной монархии, свободу слова, разделили законодательную, исполнительную и судебную власть. Они сумели механизировать труд и поставить себе на службу лучшие зарубежные умы, сохранив национальный интеллект для производства научных, технологических и военных инноваций⁶⁷.

Наполеон не случайно окрестил англичан «нацией лавочников». Даже названия центральных улиц, увековечивающие память о мелких мануфактурщиках, не редкость для британской столицы. Например, Банк Англии находится на улице Threadneedlestreet, что в переводе означает «улица трех иголок» (Three Needle Street), подчеркивая, что в XVII веке здесь работала иголочная мануфактура. Название Пикадилли – одной из центральных улиц Лондона, ведущей в увеселительные кварталы района Сохо⁶⁸, дословно означает «край воротничка, отделанный кружевами». Так она названа в честь расположенной здесь в XVI веке мануфактуры, которая производила модные на то время воротнички.

Понятия индивидуальной коммерческой выгоды оказывало влияние на формирование идентичности англичан с давних пор, умаляя ценность общественных интересов. Утилитаризм становится определяющим принципом в организации экономических институтов Англии задолго до его научного обоснования английскими философами и принятия на вооружение в качестве идеологического «мейнстрима» британскими политиками.

«Всеобщая и всепронизывающая» коммерциализация была характерна для развития английской культуры еще в дореформационный период. Так, деятельность торговых гильдий, сформировавшихся в Англии в XIV веке, была сконцентрирована исключительно на удовлетворении прагматических интересов в экономической сфере, в то время как, например, немецкие торговые гильдии, наряду со своими профессиональными задачами, также преследовали цели политического, военного, религиозного, правового и общественного развития страны. Кстати, именно к немецкой средневековой системе ремесленных гильдий восходит современная система производственного обучения, которую считают фундаментом индустриального лидерства Германии в Европе.

В свою очередь во Франции деятельность гильдий находилась под строгим контролем государства, которое защищало от конкуренции, санкционировало полномочия и выступало силовой гарантией их главенства в экономических процессах. Государство предъявляло чрезвычайно высокие требования к качеству конечной продукции гильдий. Тогдашний правительственный регламент для традиционных отраслей французской экономики оговаривал практически все этапы производственного процесса. Так, по словам историков Дугласа Норта и Роберта Томаса, регламент, касавшийся окраски тканей, включал в себя 317 параграфов. Гильдии использовались для учреждения стандартов, которые не только ограничивали объем рынка, но и ставили непреодолимые барьеры начинающим предпринимателям.

⁶⁷ Roberts A. The English-Speaking Peoples and Their World Role Since 1900 // Orbis. A Journal of World Affairs. 2007. Vol. 51, No. 3. P. 393–394.

⁶⁸ «Соу-хоу» можно перевести как «ату!» – крик, издаваемый охотниками при псовой охоте на зайца, которая проходила когда-то в этих местах.

«Система контроля и надзора, осуществлявшегося представителями гильдий, охватывала почти все, пишут Норт и Томас. – Во времена Кольбера даже самая обычная одежда проходила по крайней мере шесть проверок»⁶⁹.

Таким образом, жёсткое государственное регулирование французских гильдий препятствовало развитию коммерческого духа во Франции. Отсутствие у французских купцов желания братья за коммерческое дело отчасти является причиной неудач Франции в создании собственных торговых компаний на подобии тех, которые успешно действовали в Англии и Голландии. Основанная в 1664 г. французская Ост-Индская компания с первых лет своей деятельности столкнулась с финансовыми затруднениями и лишилась своих привилегий в 1682 г. Основанная в 1670 г. Левантинская компания стала приходить в упадок с 1672 г. Северная компания, созданная в 1669 г., потерпела фиаско. Вест-Индская компания, созданная в 1664 г., была упразднена в 1674 г. В процессе колонизации Северной Америки Франция была вынуждена прибегнуть к услугам шотландского авантюриста Джона Ло, который в 1717 г. основал компанию Индии для освоения, принадлежавшего в то время Франции, бассейна реки Миссисипи (что находится на территории современного штата Луизиана). Как известно, Миссисипская компания, финансируемая за счет государственных кредитов, потерпела крах и послужила причиной глубокого финансового кризиса во Франции в 1720 году.

Разница в экономической психологии англичан и французов прослеживается и в целях колониальной экспансии двух метрополий. Так, мотивация действий английского правительства во время колонизации Северной Америке носила исключительно утилитарный характер. Как отмечает Ю.Г.Акимов, «и у Кромвеля, и у всех Стюартов, и у Вильгельма III подход к колониальной экспансии был весьма прагматичным, основанным на меркантилистских идеях; какая-либо ярко выраженная политическая или идеологическая подоплёка в нем отсутствовала»⁷⁰.

Если английская экспансия в Америке была вызвана объективными социально-экономическими причинами, то французская экспансия представляла собой «политическую и идеологическую акцию, обусловившую её эфемерный, или, по крайней мере «неэкономический» характер». По утверждению французского исследователя Э.Таймита, если первые, подобно финикийцам, думали только о выгоде, то вторые, как древние греки, были воодушевлены «страстью к исследованиям», которая толкала их всё дальше вглубь континента. В то время как англичане в Новой Англии строили торговые суда, французы возводили монастыри⁷¹.

Английский прагматизм можно объяснить чрезвычайным проникновением идей коммерциализации в сферу английского дворянства. «Навряд ли – пишет В.Зомбарт, – хотя бы один из здравствующих ныне дворянских родов Англии имеет еще феодальное происхождение. Почти все они – выходцы из контор. Кроме того, дворянские фамилии на протяжении нескольких веков заключали браки с представителями промышленной буржуазии, так что в Англии вообще не осталось сословия, дистанцированного от деловой жизни»⁷².

Противоположной была ситуация в Германии. Как отмечает американский политолог Ф.Закария, «...большую часть XIX века германские деловые круги шли на компромисс с правящей феодальной элитой. Соответственно, даже после осуществления индустриализа-

⁶⁹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: [пер. с англ.]. М.АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 204–205.

⁷⁰ Акимов Ю.Г. От колониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVIII – начале XVIII в. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Изд-во С. – Петербургского университета, 2005. С. 56.

⁷¹ Там же. С.63.

⁷² Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х т. Т II. Торгаши и герои: раздумья патриота. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2005. С. 16–17.

ции в Германии сохранился смешанный режим, объединявший элементы нового буржуазного общества и прежнего доиндустриального порядка». ⁷³ Таким образом, такая характерная черта английской модели, как хозяйственная и политическая независимость буржуазии, отсутствовала в Германии. В 1891 г. 62 % постов во внутренней администрации Пруссии принадлежало представителям знати. На дипломатической службе их концентрация была еще выше. В 1914 г. внешнеполитическая служба Германии насчитывала в своих рядах восемь князей, 29 графов, 20 баронов, 54 представителя мелкого дворянства и только и человек незнатного происхождения ⁷⁴.

В свою очередь во Франции со времени правления Карла VII (1427–1461 гг.) все экономические процессы были подчинены абсолютистской королевской власти, которая априори исключала любые формы частной инициативы, уходящие из под контроля королевской бюрократии. По мнению американского социолога Джесси Питтса, преуспевающая французская буржуазия была пропитана нравами и ценностями аристократии. Последняя всегда смотрела на деятельность капиталиста свысока и предпочитала благородный акт личной доблести стабильному и безостановочному процессу рационального накопления ⁷⁵.

В XVII–XVIII веках финансовыми делами французского королевства управляли откупщики, которые брали пошлины и налоги на откуп и взимали их к своей выгоде, выплачивая авансом определенную сумму налоговому ведомству. В данной связи Ф.Бродель сообщает: «Эти откупщики... все были почтенного происхождения: из 230 идентифицированных откупщиков-дольщиков 176 были дворяне (т. е. 76,5 % от общего числа); из 74 занимавших первые места в налоговых ведомствах... 65 были «королевскими секретарями»». Следовательно, финансами королевства заправляли не торговцы и коммерсанты, как это имело место в Англии, а находившаяся на королевской службе аристократия. Кроме того, деньги, которые откупщики, выплачивали авансом королю в звонкой монете, предоставляли им крупные собственники из числа аристократии королевства ⁷⁶. В то же самое время в Англии монархи заимствовали деньги преимущественно у золотых дел мастеров (ювелиров).

Существовали также другие причины, которые обеспечивали возможности координации частной экономической деятельности с общественными интересами и осуществление правительством значительного влияния на экономическую жизнь Франции. В данной связи член Римского клуба Б.Гаврилишин пишет: «Главнейшая из них – это, вероятно, существование элитарной гражданской службы, профессионального управленческого *мандарина*. Это выпускники престижных элитарных школ (*grandes ecoles*) и Академия Государственного Управления, где они получали знания и приобретали навыки напряженного и компетентного труда, приобщались к общим представлениям о судьбе нации и готовности посвятить себя служению ей. Такая сеть образования сохраняет традиционные тенденции к централизации и определяет верховенство общенациональных целей над индивидуальными» ⁷⁷.

Несмотря на то, что Вольтер восхищался английскими философами, последние всегда испытывали трудности с изучением философии как предмета чистого бескорыстного познания.

⁷³ Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. 58.

⁷⁴ Там же. С. 58.

⁷⁵ Цитировано по: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: [пер. с англ.]. М.АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 193.

⁷⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М.: Издательство «Весь Мир», 2007. С. 552.

⁷⁷ Гаврилишин Б. До ефективних суспільств: Дорожки в майбутнє: доп. Римському Клубові; упоряд. В.Рубцов. Вид. 3-тє, допов. К.: Унів. вид-во ПУЛЬСАРИ, 2009. С. 75.

В.Зомбарт отмечал «однообразный основной тон» и «безмерную духовную ограниченность», присущую английским философам, отдавая при этом должное тому факту, что «все они были хорошими, а некоторые даже превосходными национальными экономистами»⁷⁸. Г.Спенсер измерял «английский дух» по количеству воплощенных в жизнь инженерных решений. Ф.Бэкон полагал, «что истинная и подлинная цель науки состоит в том, чтобы обогащать человеческую жизнь новыми изобретениями и приспособлениями»⁷⁹. Отдавая должное красноречию древних греков, Ф.Бэкон считал созданную ими науку бесплодной. В частности он отмечал: «та мудрость, которую мы почерпнули преимущественно у греков, представляется каким-то детством науки, обладая той отличительной чертой детей, что она склонна к болтовне, но бессильна и не созрела для того, чтобы рождать»⁸⁰. Дж. Ст. Милль определял утилитаризм как «высший принцип счастья, оправдывающий любые действия, которые в пропорциональном соотношении способствуют достижению благополучия»⁸¹.

⁷⁸ Зомбарт В. Собрание сочинений в 3-х т. Т. II. Торгаши и герои: раздумья патриота. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2005. С.12.

⁷⁹ Там же. С. 14.

⁸⁰ Бэкон Ф. Сочинение в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т.1. Сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л.Субботина. М., «Мысль», 1977. С.60.

⁸¹ Mill J.S. Utilitarianism, in E.C.Black (ed.) Victorian Culture and Society. New York: Walker and Company, 1974. P.285.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.